

Алексей Криволап

новое созвездие в галактике интернет

Алексей Криволап

**Рунет. Новое созвездие
в галактике интернет**

«Издательские решения»

Криволап А. Д.

Рунет. Новое созвездие в галактике интернет / А. Д. Криволап —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837956-7

Монография представляет собой результат исследовательского проекта освоения интернет-технологий в регионе Восточно-Европейского Пограничья (Беларусь, Молдова и Украина), который был реализован в 2007—2008 годах. Исследование выполнено в рамках парадигмы cultural studies, в социологических традициях «обоснованной теории» (grounded theory) на основании исследовательских интервью. Если вас интересует вопрос, как связаны между собой «русский мир» и Рунет, то эта книга для вас.

ISBN 978-5-44-837956-7

© Криволап А. Д.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
Глава 1. Локальные и глобальные истории интернета	13
1.1. Локальность глобального	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Рунет

Новое созвездие в галактике интернет

Алексей Дмитриевич Криволап

Корректор Лиза Таран

Редактор Матвей Бурачков

© Алексей Дмитриевич Криволап, 2017

ISBN 978-5-4483-7956-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

*«Чем больше интернета, тем меньше социализма, и наоборот –
чем больше социализма, тем меньше интернета»
Валерий Лобко, пионер Белнета*

Первая версия этого текста появилась в январе 2008 года. В то время словосочетание «русский мир» не было таким эмоциональным и многозначным, как сегодня. Возможно, что многие вещи, о которых в тексте идет речь как о теоретических обобщениях, сейчас можно воочию увидеть в нашей повседневной практике.

Эта книга – слепок времени, возможно, посмертная маска того постсоветского периода непонятного перехода или исхода от социализма куда-то дальше, но без конечного пункта назначения. Как письмо без адреса до востребования на почтамте.

В название книги вынесено «Рунет», но его описание будет идти от противоположного, иными словами, будет рассматривать то, что не является им, хотя это не очевидно.

Декабрь 2015 года

Введение

После работ М. Кастэльса, «открывшего» галактику интернета¹, который продолжил поиски «галактик» вслед за М. МакЛюэном с его «Галактикой Гуттенберга», очень трудно решится на «астрономическое открытие» подобных масштабов. Поэтому задача данной книги менее амбициозна – найти и описать в уже открытой галактике новое существующее «созвездие». Таким «созвездием» могут стать культурные последствия от локальных практик использования интернета в Беларуси, Молдове и Украине. Хотя справедливости ради следует отметить, что пессимисты имеют полное право говорить не о «созвездии», а о «черной дыре». При этом мы начинали рассмотрение данного вопроса в странах Восточно-Европейского Пограничья и пришли к выводу о необходимости включения данных локальных практик использования технологий на постсоветском пространстве в виде созвездия под названием Рунет.

Также стоит сразу же оговориться, что национальное интернет-пространство не может являться чем-то автономным, не быть включенным в глобальную сеть. В таком понимании его не существует, но не следует говорить о национальном интернете, исходя из контекста и восприятия интернета в рамках прежних, классических подходов к проблеме коммуникации. Когда национальное освоение очередной технологии коммуникации приводило к тому, что появлялась культурная практика, локальная культурная форма использования данной технологии в локальном контексте. В случае с интернетом ситуация принципиально иная. Более уместно говорить о национальных особенностях освоения и использования глобальных технологий.

В начале исследования мы также пребывали в счастливом и наивном неведении относительно белорусско-украинско-молдавских «интернетов»².

Объект данного исследования – сегмент глобальной сети интернет как социально-культурный феномен в исторической перспективе в Беларуси, Украине и Молдове.

Предметом рассмотрения является практика конструирования культурной идентичности в процессе репрезентации при использовании интернет-технологий.

Проблемы, которые существуют в локальных национальных интернет-пространствах достаточно глобальны: от выяснения вопросов относительно принципиальной возможности своего существования, до трудностей противостояния стремлению власти контролировать информационное пространство. Вопросами, которые побудили к написанию данной работы, были: что такое Рунет, можно ли относить к Рунету только сайты в домене .ru, или можно расширить это представление до всех сайтов на русском языке? В одном из аналитических отчетов Яндекса сказано, что «под „Рунетом“ подразумеваются сайты, написанные на русском, украинском, белорусском или казахском языках, а также сайты на любых языках, размещенные в национальных доменах .am, .az, .by, .ge, .kg, .kz, .md, .ru, .su, .tj, .ua или .uz»³. Насколько Рунет вообще может быть «нашим»⁴? И насколько он является «Другим»? Ведь если принимать подобное определение Рунета, то с большой долей уверенности можно сказать, что белорусского и украинского интернет-пространства не существует. Цель этой работы – обосновать и найти пространство для собственного культурного существования онлайн. Таким образом,

¹ Manuel Castells, *The Internet galaxy: reflections on the Internet, business, and society* (Oxford; New York: Oxford University Press, 2001).

² «Интернеты», Лукоморье, б. д., <http://lurkmore.to/интернеты>.

³ «Контент Рунета» (Москва: Yandex, 2009 г.), 1, http://company.yandex.ru/researches/reports/ya_content_09.xml.

⁴ Henrike Schmidt, Katy Teubener, и Natalja Konradova, *Control + Shift: Public and Private Usages of the Russian Internet* (Norderstedt: Books on Demand GmbH, 2006), 14—20.

цель книги – концептуализировать механизмы и стратегии конструирования культурной идентичности посредством использования интернет-технологий.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

на основе описания и анализа национальных интернет-проектов определить степень самостоятельности (или зависимости) в развитии интернета в Беларуси;

изучить специфику механизмов конструирования культурной идентичности в национальных сегментах интернета на белорусском материале;

рассмотреть роль сетевой информации в формировании культурной идентичности;

продемонстрировать инструментальные средства конструирования культурной идентичности в процессе репрезентации;

прояснить степень преодоления советского культурного прошлого и уровень интеграции в глобальное информационное пространство.

Поиск ответов на эти вопросы позволял получить аргументированные ответы и о возможности существования национального сегмента интернета на русском, а не только на национальном языке. Также можно говорить о национальных особенностях освоения и использования технологии⁵.

Гипотезы

Никаких национальных «интернетов» в Беларуси или Украине не существует (только в Северной Корее или на Кубе, но это скорее «интранеты»). Возможно, более корректно говорить о национальных особенностях освоения новых технологий коммуникации, культурных легитимных формах использования технологий.

Интернет-пространство Беларуси, Украины и Молдовы формируется и во многом определяется российской частью интернета. Это можно рассматривать как культурную колонизацию и как переживание (повторное) советского опыта культурной зависимости и русификации. Открытое информационное пространство с Россией влияет на процессы идентификации не только пользователей, но и создателей медиа проектов.

Рунет, претендующий на включение в себя всего русскоязычного виртуального пространства, может рассматриваться как сетевая империя. Или метафорически в астрономическом дискурсе как созвездие.

Методология и методы проведения исследования:

В основании данного текста лежат результаты двух исследовательских проектов: «Культурная идентичность в контексте Пограничья. Медиаландшафт Беларуси» (2004—2005), и «Конструирование национальной идентичности стран Восточно-Европейского Пограничья (Беларусь, Украина, Молдова) в сети Интернет» (2006—2007). Оба проекта были успешно реализованы в рамках программы «Социальные трансформации в Пограничье (Беларусь, Украина, Молдова)», администрируемой Центром перспективных научных исследований и образования в области социальных и гуманитарных наук (CASE).

Данное исследование выполнено в рамках парадигмы cultural studies / internet studies, в социологических традициях «обоснованной теории» (grounded theory) на основании исследовательских интервью и было инспирировано одним из классических текстов internet studies⁶, а также статьей о возможностях новых медиа для изучения социума⁷.

Метод построения выборки: теоретическая выборка, который понимается как «процесс сбора данных для генерирования теории, посредством которого аналитик собирает, объединяет, кодирует, анализирует свои данные и решает, какие из них собирать на следующем этапе

⁵ Robert Burnett, Web theory: an introduction (London; New York: Routledge, 2003).

⁶ Christine Hine, «Virtual Methods and the Sociology of Cyber-Social-Scientific Knowledge», в Virtual methods: issues in social research on the Internet (Oxford; New York: Berg, 2005), 1—13.

⁷ Chris Mann, Internet communication and qualitative research: a handbook for researching online, New technologies for social research (London; Thousand Oaks, Calif: Sage Publications, 2000).

и где искать их для того, чтобы развить теорию по мере появления. Этот процесс сбора данных контролируется появляющейся теорией»⁸.

Метод получения первичной информации: полустандартизированные глубинные интервью с экспертами (face-to-face), ориентированное на предмет исследования. Исследование проводилось зимой-весной 2007 года в Минске, Киеве и Кишиневе. Во время интервью осуществлялась запись с помощью цифрового диктофона. Всего было проведено 22 глубинных полуструктурированных интервью с топ-менеджерами и руководителями интернет-проектов в Беларуси (akavita.by, charter97.org, naviny.by, nn.by, onliner.by, red.by, tut.by, nmnby.org), Молдове (allmoldova.md, basa.md, forum.md, moldova.ru, newsmoldova.md, super.md, try.md), Украине (dialogs.org.ua, e-media.com.ua, history.org.ua, korrespondent.net, pravda.com.ua, ugmk.info, proua.com).

Обработка и анализ полученных данных: записи беседы полностью транскрибировались и обрабатывались с помощью программы MaxQDA. С ее помощью осуществлялось трюичное кодирование (открытое⁹, избирательное¹⁰ и осевое¹¹) и последующий анализ данных. Работа над текстом книги оказала существенное влияние на автора. Все начиналось с пиратской копии MS Word, а завершилась осознанно выбранной и установленной лицензионной версией программного обеспечения с открытым кодом LibreOffice.org в связке с использованием сервиса для управления библиографической информацией Zotero.org.

В тексте приводятся фрагменты проведенных интервью для передачи нарратива. Ссылки на них оформлены следующим образом: <459; 1.1.2.> «*прямая речь эксперта*», – где первая трехзначная цифра – это закодированный IP-адрес сайта, с руководителем которого проводилось интервью. Вторая цифра отсылает к рабочей таблице кодов (см. Приложение 2), которые были составлены при обработке транскрибированных интервью методом открытого кодирования. Затем в кавычках – фрагмент прямой речи интервьюируемого эксперта. Последующие аналитические процедуры, методологически базирующиеся на избирательном и осевом кодировании, проводились уже с учетом результатов открытого кодирования. Фрагменты приводятся без стилистических правок и искажений. Если во время интервью собеседники из Молдовы говорят Молдавия и Беларусь называют Белоруссией, то это не опечатка, а фиксация существующей дискурсивной ситуации на момент проведения интервью.

В нашем случае речь идет об изучении тех, кто оказывает влияние на аудиторию. Для того чтобы обосновать правомерность данной методологии, необходимо привести теоретические наработки, которые были сделаны в рамках grounded theory (обоснованной теории)¹². «Во-первых, исследование должно носить итерационный характер, т. е. аналитический процесс должен чередоваться с процессом сбора информации или даже идти параллельно ему. Во-вторых, соблюдение этого принципа позволяет создавать в процессе исследования теоретическую выборку, цель которой – репрезентировать не исследуемую группу людей (объект исследования), а аспекты, свойства, характеристики или качества исследуемого явления (предмета исследования)»¹³. Для того, чтобы пробиться к этому скрытому языку самоописания, используемому только в контексте определенного дискурса, было предпринято следующее. На основании целей и задач исследования была создана развернутая система кодов, которая стала критерием для последовательной деконструкции интервью. После того как стройные narra-

⁸ Barney G Glaser и Anselm L Strauss, The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research (New Brunswick, N.J.: Aldine Transaction, 1967), 45.

⁹ Ансельм Страусс и Джульет Корби, Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники (Москва: Эдиториал УРСС, 2001), гл. 52—62 Гл. 5 Открытое кодирование.

¹⁰ Там же, гл. 81—96 Гл. 7 Осевое кодирование.

¹¹ Там же, гл. 97—119 Гл. 8 Избирательное кодирование.

¹² Glaser и Strauss, The Discovery of Grounded Theory.

¹³ О. Б. Ключкина, «Построение теории на основе качественных данных», Соис 10 (2000 г.): 97—98.

тивы были деконструированы на составные части (минимальная единица – одно предложение), и исходя из соответствия критериям в системе кодов, были собраны «новые» тексты, вторичные по отношению к глубинным интервью. Они представляли собой все многообразие высказываний по той или иной проблеме, обозначенной в системе кодов. На этом уровне работы с текстом индивидуальные высказывания экспертов не рассматривались как их личное мнение или частная точка зрения. Артикулированные точки зрения и мнения воспринимались как циркулирующие в этом дискурсе высказывания по данной проблематике. Здесь весьма симптоматичным можно считать частые повторы одних и тех же идей разными экспертами, что еще раз указывает, что это не их личные высказывания, а язык, используемый для самоописания в данном типе дискурса. После того, как эта часть работы была выполнена, был составлен аналитический отчет по каждому из разделов системы кодов, который и находится в основании данного текста.

Сначала использовалось открытое кодирование, которое применялось к транскрибированным текстам и позволило наклеить понятийные ярлыки, раздробить связную речь интервьюируемых на смысловые единицы. Затем приступили к двум другим оставшимся типам кодирования: осевому и избирательному. Собственно, это две разнонаправленные стратегии, которые позволяют получить более многомерный результат всей работы.

Отличительной чертой нашего исследования является то, что массмедиа изучаются исходя не из «обратной связи» полученной от аудитории, а изучаются и рассматриваются как самодостаточный социальный институт. При этом анализируются не внешние проявления социальной активности масс-медиа, а скрытые и недоступные для непосвященных нарративы самоописания. Анализируется внутренний дискурс медиа, касающийся описания закрытой и самодостаточной системы. Получить количественные данные относительно пользователей интернета при современном развитии технологии не представляется невыполнимой задачей. Подсчет и анализ активностей пользователя на сайте уже стали нормой для различных систем статистики (Google Analytic, Яндекс Метрика, LiveInternet, Akavita.by и другие).

Намного сложнее понять, какой культурный, национальный проект сформирован или формируется в головах у авторов и создателей ключевых национальных проектов. Четко и внятно данные проекты никогда не артикулируются, потому как они не переводятся и не трансформируются в какие-то другие единицы. Это как предложенные С. Холлом ментальные карты концептов – размытые и практически бесконечное поля культурных значений и смыслов, которые являются основой для общего культурного контекста, неких оснований, которые являются смыслообразующими.

Научная новизна и значимость результатов

Это одна из первых научно-исследовательских работ в Беларуси, выполненная в традициях такого исследовательского направления, как *internet studies*. И если в России изучение социальных аспектов интернет-технологий получает все большее распространение, количество диссертаций, в названии которых встречается слово «интернет» уже изменяется сотнями, то для Беларуси в какой-то степени все еще впереди. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Например, в монографии Чернявской Ю. В. «Белорусы: от „тутэйшых“ к нации»¹⁴. Впрочем, можно говорить о глобальной проблеме включения интернета в академические исследовательские практики¹⁵.

Для данной работы под *internet studies* понимается совокупность исследовательских стратегий и практик, направленных на изучение социальных, культурных, политических и экономических отношений, которые возникают в результате взаимодействия пользователей как

¹⁴ Ю. В. Чернявская, *Белорусы: от «тутэйшых» к нации*, Неизвестная история (Минск: ФУАинформ, 2010).

¹⁵ *Academy & the Internet, Digital formations*, vol. 12 (New York: Peter Lang, 2004).

в сети (онлайн), так и по поводу сети (офлайн). Собственно, можно сказать, что internet studies – это применение исследовательских принципов cultural studies к новой технологии.

Данная работа посвящена изучению не технической стороны взаимодействия, а изучению особенностей социокультурного взаимодействия, ее можно рассматривать как попытку изучения влияния интернета на общество, того, что в каталоге Библиотеки Конгресса США маркируется как подраздел общей социологии: «Internet: Social aspects» или «HM851».

Структура и объем работы

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и приложений. Главы структурированы, исходя из эмпирических данных, полученных в ходе проведенных исследований. Для всей работы была выделена одна центральная категория, вокруг которой и выстраивалась вся аналитическая работа. Эта центральная категория – национальный интернет, или точнее, национальное интернет-пространство. Для разработки и поддержания этой центральной категории на основе проведенных интервью были определены три субкатегории: Идентичность, Пространство, Влияние. Эти три субкатегории очень тесно взаимосвязаны и взаимодействуют между собой, как бы предлагая ответы на некоторые вопросы.

Влияние – как/почему? Культура как поле (поле в понимании П. Бурдье) борьбы за влияние, за власть (М. Фуко).

Идентификация – кто? Какие социальные роли тут существуют и могут быть предложены?

Пространство – где? Виртуальное пространство – это все хорошо, но что делать, когда мы пытаемся разграничить офлайн и онлайн? Отдельно рассматривается вопрос о возможности визуализации интернет-пространства.

В результате для каждой из этих субкатегорий отведена отдельная глава. Проблема идентичности интересует нас в контексте культурной идентичности. Каким образом социально-культурные практики, повседневные ритуалы определяют или влияют на определение нашей идентичности.

Исследовательский вопрос: с помощью каких механизмов и практик неолиберализм посредством культурного империализма, сконструированного в виде «пространства потоков» (space of flow) способствует размыванию культурной идентичности в национальном интернет-пространстве?

Почему книга по-русски?

Во-первых, книга написана для широкой русскоязычной аудитории стран бывшего Советского Союза. Во-вторых, для всех бывших и настоящих «советологов», изучающих наследие СССР, которые, как правило, говорят по-русски, для того, чтобы попытаться изложить доступные аргументы в пользу того, что СССР больше нет, а Рунет – это неолиберальная сетевая империя XXI века, которая на наших глазах становится воплощением «русского мира».

Как читать эту книгу?

Эта книга не является попыткой написать «как есть на самом деле», скорее это попытка представить одну из версий того, почему так происходит, почему интернет в наших странах развивается именно так, как мы видим, и что может измениться в ближайшее время. Следует оговориться и уточнить, какие аспекты экономической деятельности в интернете остались без внимания в данном исследовании. Так, ни в каком виде не рассматриваются вопросы, связанные с SEO-бизнесом (SEO – Search Engines Optimisation. Умышленные манипуляции над содержанием веб-страниц и не только с целью оказать влияние на деятельность поискового сервиса).

Деньги пришли в интернет, когда появилась возможность влиять на выдачу результатов по запросам в поисковых машинах. Собственно, можно сказать, с этого времени началась бесконечная борьба между владельцами поисковых сервисов и оптимизаторами, занимающимися продвижением сайтов. Первые пытаются минимизировать возможность влияния на результаты

работы поисковых роботов, вторые – наоборот, делают все возможное для того, чтобы получить возможность влиять на результаты работы поисковой машины. Это перспективная для изучения и достаточно интересная тема, но в рамках данного исследования она не рассматривалась. Собственно, этой теме посвящено огромное количество личных блогов, написаны книги и пособия. Если вы в поисках книги «Как поднять сайт в Яндексе по редкому ключевому?», или «Чем линкопомойка отличается от белого каталога?», или «Как продать морду без сквозняка?», то эта книга не для вас. Если вам нужен сборник советов «Как раскрутить сайт и заработать миллион за три дня?», то эта книга вас разочарует, потому что она не об этом. Закройте ее и со спокойной совестью отправляйтесь в путешествие по своему списку закладок.

Также за рамками изучения оказались вопросы, связанные с платежными системами и способами взаиморасчетов в интернете (Webmoney, PayPal и прочие). Равно как трудности и особенности, связанные с налогообложением заработанных в интернете средств.

Без заслуженного внимания останется и глобальный бум «доткомов» (.com) и их трагический обвал, который, несмотря на свою глобальность, не затронул страны изучаемого региона.

Теперь по содержанию книги.

В первой главе обосновывается правомерность изучения локального влияния таких глобальных технологий, как интернет, и социально-культурных последствий освоения данных технологий. В качестве примера рассматривается белорусский материал.

Во второй главе изучается феномен влияния в контексте борьбы за власть или право определять видение реальности. Специфика экономического влияния рассматривается отдельно от влияния на трансформацию культурных форм.

В третьей главе конструируется одна из возможных версий понимания процесса идентификации. Каким образом практики обретения идентичности в странах бывшего Советского Союза учитывают или зависят от советского прошлого. Как и почему понятие «советскость» пережило, собственно, сам Советский Союз.

В четвертой главе сравниваются подходы к изучению физического и виртуального пространств. Оценивается перспективность использования географических методов для изучения виртуальных пространств и разграничения офлайн и онлайн пространств?

В заключении представлены обобщения и выводы по итогам всего исследования.

Книга будет полезна и всем тем, кто интересуется изучением социально-культурных последствий развития технологий коммуникации и того, как интернет изменяет наши повседневные культурные практики.

Глава 1. Локальные и глобальные истории интернета

1.1. Локальность глобального

Интернет не первая глобальная технология, которая проходит через своего рода сито локальных особенностей, способствуя созданию новой локальной версии. История интернета может быть написана двумя путями: «Во-первых, как история коммуникативной сети, во-вторых, как история высокоэффективной технологии, которая привела нас к интернету в том виде, в котором мы знаем его сегодня»¹⁶. Впрочем, не совсем корректно утверждать, что роль информации и коммуникации крайне важна именно в современном обществе, а ранее это было неважно. «Доступ к информации всегда был одним из условий социальной власти, а экономика даже в самых примитивных обществах в значительной степени зависела от информационных потоков. [...] Все общества являются информационными, но все они информационны по-своему»¹⁷. Если говорить не об информации вообще, а учитывать необходимость наличия таких технологических оснований для распространения информации как, например, электричество, то этот бесконечный период существования информационного обмена будет помещен в иные рамки: «Историки часто прослеживают, что начало информационного века связано не с интернетом, компьютером, или даже телефоном, но с телеграфом. Именно с телеграфа скорость передачи информации существенно отделилась от скорости человеческого путешествия. Тогда люди путешествовали со скоростью поезда»¹⁸. Люди, которые занимались и занимаются разработкой новых технологий, могут преследовать различные цели и руководствоваться различными мотивами в своей деятельности. «Целью информационных революционеров является создание новых систем — технологических, социальных, политических и экономических, которые адаптируются к людям, а не наоборот»¹⁹. Адаптация к потребностям людей включает и локализацию с учетом социально-культурных практик использования подобных технологий.

В XX веке через подобную локализацию прошли технологии радио и телевидения. Для понимания особенностей культурного освоения технологии Раймонд Уильямс предложил понятие «культурная форма»²⁰. На продуктивное использование концепции культурной формы применительно к интернету впервые обратила внимание Мария Бакарджиева: «„Культурная форма“ относится не только к новым жанрам телевизионного контента, но и к новым формам просмотра телевидения. Эти два взаимосвязанных аспекта понятия „культурная форма“ характеризуют отношения производства и потребления. [...] Таким образом, формулировка Р. Уильямса делает активности пользователей видимыми на уровне культурной формы»²¹. Такое понимание культурной формы может быть востребовано и при изучении последствий влияния интернета на общество. В данном случае культурная форма будет включать в себя все аспекты взаимодействия с новой технологией создания, распространения и получения информации. «Проблематичность информации в наше время состоит в том, что она одновременно включает в себя эстетические, этические и политические ценности. Эти зна-

¹⁶ Jerry Everard, *Virtual states: the Internet and the boundaries of the nation state, Technology and the global political economy* (London; New York: Routledge, 2000), 22.

¹⁷ Alistair S. Duff, *Information society studies, Routledge research in information technology and society* (London; New York: Routledge, 2000), 172.

¹⁸ John Seely Brown, *The social life of information* (Boston: Harvard Business School Press, 2000), 17.

¹⁹ Adam Brate, *Technomanifestos: visions from the information revolutionaries* (New York: Texere, 2002), 4.

²⁰ Raymond Williams, *Television: technology and cultural form*, 3d изд., Routledge classics (London; New York: Routledge, 2003).

²¹ Maria Bakardjieva, *Internet society: the Internet in everyday life* (London: SAGE, 2005), 19—20.

чения являются аспектами взаимоотношений аффекта и знания о социальном пространстве, отношений, которые генерирует исторические формы и временные события»²².

Приведем несколько примеров локальных особенностей освоения интернета или создания собственной культурной формы для конструирования новой идентичности. Так, согласно исследованию М. Кастельса и П. Химанен, для финнов «информационное общество – это новая идентичность, которая спроектирована, чтобы заменить прежний образ Финляндии как лесной экономики или спутника Советского Союза. Информационные технологии для Финляндии – это способ показать себе и всему миру, что это больше не бедная или зависимая страна. Конечно, это способ реакции на „колониальную“ историю под влиянием Швеции или СССР»²³. На первый взгляд, параллели между ситуацией с конструированием идентичности в Финляндии и в Беларуси не очевидны. «Финская идентичность разработана на основе опыта долгой истории выживания: биолого-экономического выживания, политико-культурного выживания и даже выживания против внутренних демонов идеологически мотивированного насилия в первые два десятилетия независимости Финляндии. Финское национальное государство получает свою легитимность, в конечном счете, обеспечив выживание, или, выражаясь по-другому, гарантируя жизнь в условиях „пост-выживания“ посредством информационного общества и государства всеобщего благосостояния»²⁴.

Свой особый путь в понимании социально-экономического развития и освоения для этого интернет-технологий есть у и Китая. Надо сказать, что учитывая численность населения и количество пользователей интернета в Китае не удивительно, что китайская культурная форма использования интернета претендует на статус самостоятельного объекта для изучения в рамках интернет-исследований, например, «China Internet Studies»²⁵, «Китайское киберпространство и гражданское общество»²⁶, подробный отчет об инфраструктуре для мобильного интернета в Китае²⁷ или изучение феномена «силиконизации» – стремления создать свою локальную «кремниевую долину», создавая особые условия для IT-предпринимательства²⁸.

В случае с США история взаимовлияния технологий и культуры «началась намного раньше, чем 50-е годы XX века [...], но и сегодня можно увидеть разницу точек зрения в обсуждении культуры, которые окрасили наше видение web в абсолютно разные цвета»²⁹. И эти локальные отличия в понимании технологии учитывают национальный контекст, который включает «национальную коллективную память, способствует формированию культурной самобытности, начиная с формального образования национальное государство способствует усилению чувства истории, идентичности и социальных пристрастий в национальных терминах»³⁰.

²² Ronald E. Day, *The modern invention of information: discourse, history, and power* (Carbondale: Southern Illinois University Press, 2001), 114.

²³ Manuel Castells, *The information society and the welfare state: the Finnish model*, Sitra, no. 250 (Oxford: Oxford University Press, 2002), 135.

²⁴ Там же, 139.

²⁵ Jack Linchuan Qiu и Hargittai Eszter, «China Internet Studies: A Review of the Field», в *Academy and the Internet* (Peter Lang, 2004), 275–307.

²⁶ Zixue Tai, *The Internet in China: cyberspace and civil society*, Routledge studies in new media and cyberculture (New York: Routledge, 2006).

²⁷ Alex Lightman, *Brave new unwired world: the digital big bang and the infinite Internet* (New York: J. Wiley & Sons, 2002), 268–98.

²⁸ Ngai-Ling Sum *Informational Capitalism and the Remaking of «Greater China»: Strategies of Siliconization* // *Fondation nationale des sciences politiques, Cyber China: reshaping national identities in the age of information*, 1st ed, The CERI series in international relations and political economy (New York: Palgrave Macmillan, 2004), 231.

²⁹ Aaron Barlow, *Blogging America: the new public sphere*, New directions in media (Westport, Conn: Praeger, 2008), 123.

³⁰ Chrisanthi Avgerou, *Information systems and global diversity* (Oxford, New York: Oxford University Press, 2002), 115.

С некоторыми оговорками можно сказать, что слепая вера в потенциал новых технологий приводит к появлению своего рода культа интернета. «Культ интернета основан на ряде убеждений, часто сильно упрощенных, так как все они приводят к одному фактору. Отправной точкой и центром, из которого эти убеждения излучают это видение мира, в котором единственной реальностью, единственной правдой является информация»³¹. При этом не всегда проясняется, что имеется в виду, какая именно информация.

Эта книга – своего рода попытка уклониться от подобного влияния культа интернета. «Реальное развитие интернета может быть проанализировано как плод борьбы противоречий между двумя моделями: стратегия интернет-для-всего, которая является матрицей этой новой религиозности, и более прагматичный подход всех тех, кто видит интернет как ценный инструмент, но лишь инструмент»³². Об ошибочности универсального понимания интернет-технологий, в частности, того, что для любой задачи или проблемы есть какое-то решение в виде соответствующего приложения, подробно написано в книге Евгения Морозова «To save everything»³³. В данном тексте далее будем понимать интернет как инструмент. В нашем случае это инструмент для конструирования культурной идентичности.

Сегодняшние подходы к пониманию культуры существенно отличаются от тех, что были предложены в советский период белорусской истории, когда возникала уникальная ситуация, в которой благодаря однообразию советских массмедиа, обслуживающих интересы партийной элиты, медиа исключались из составляющих культуры и классифицировались как средство борьбы за умы. Поэтому массмедиа оказались на периферии гуманитарного знания в полном распоряжении интеллектуалов, связанных с подготовкой журналистов. О возможности анализа массмедиа, как важной составляющей части современной культуры речь не шла. Впрочем, подобное высокомерное отношение к медиа было свойственно не только для СССР. Западно-европейская традиция также предлагала весьма скептическое понимание значения массмедиа в обществе в середине XX века. Интеллектуалы, которые пытались анализировать функционирование массмедиа не как сторонние наблюдатели, а как активные участники процесса, рисковали оказаться зачисленными коллегами в разряд журналистов, а не исследователей. Длительное время и интеллектуалы вынуждены были выбирать между работой академической или журналисткой карьерой (см. подробнее П. Бурдье³⁴).

Тут нельзя не сделать оговорку, что, говоря об идеологии, «мы должны иметь в виду, что с „идеологией“ у нас есть две основные традиции, которые в значительной степени не взаимодействуют между собой: описательная и критическая»³⁵. Идеология мобилизует индивидов, превращая ряд из них в субъектов посредством интерпелляции. Интерпелляция свершилась, если окликаемый признал себя тем, за кого его принимают – идентификация произошла. Существование идеологии и интерпелляция субъектов, по мнению Луи Альтюссера, суть одно и то же явление. Функцию проведения принципов господствующей идеологии выполняют так называемые «Государственные Идеологические Аппараты», к которым Л. Альтюссер относил религиозные, образовательные, правовые, политические, профсоюзные институты, а также массмедиа, культурные учреждения и сфера знания. Как отмечает Славой Жижек: «Различие между когнитивизмом и cultural studies – это не просто различие между двумя доктринами или

³¹ Philippe Breton, *The culture of the Internet and the Internet as cult: social fears and religious fantasies* (Duluth, MN: Litwin Books, 2011), 57.

³² Там же, 128.

³³ Evgeny Morozov, *To save everything, click here: the folly of technological solutionism*, First edition (New York: PublicAffairs, 2013).

³⁴ Пьер Бурдье, *О телевидении и журналистике* (Москва: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002), 17—88, <http://bourdieu.name/content/burde-o-televidenii-i-zhurnalistike>.

³⁵ Peter Dahlgren, *The political web: online civic cultures and participation* (Houndmills, Basingstoke, Hampshire; New York: Palgrave Macmillan, 2013), 170.

двумя теоретическими подходами; в конечном счете, это гораздо более радикальное различие между двумя совершенно различными условиями или, скорее, практиками знания, включая оба различных институциональных аппарата знания. И это измерение „теоретических государственных аппаратов“, используя формулировку Альтюссера, критично»³⁶. Идеология, согласно двум тезисам Л. Альтюссера «репрезентирует воображаемое отношение индивидов к реальным условиям своего существования»³⁷, а также «обладает материальным воплощением»³⁸.

Использование технологий массовой коммуникации и перспективы ее развития рассматриваются и Ричардом Хоггартом³⁹. Одна из проблем, которая еще даст о себе знать, скрыта в том, что аудиторией востребованы возможности индивидуального отбора и потребления информации, что противоречит интересам и возможностям национального и интернационального вещания. Добавим, что эта возможность индивидуального потребления информации наиболее полно реализована в интернете. Иными словами, эта проблема обострилась с появлением интернета.

Р. Уильямс предлагает три возможных варианта понимания коммуникации как производства⁴⁰: 1) значение коммуникации редуцировано к медиуму, приспособлению, обеспечивающему процесс коммуникации; 2) утверждает некоторое значение коммуникации в смысле производства, по-прежнему оставаясь в рамках различий между природой и технологией; 3) отделение коммуникации от производства и наделение коммуникации возможностью порождать новые социальные миры, новую социальную реальность. Собственно феномен коммуникации подвергается тщательному анализу⁴¹.

Рассмотрение изучения медиа было бы неполным без двух программных статей Стюарта Холла «Cultural Studies – Two Paradigms» и «Cultural studies and its theoretical legacies». С. Холл определил две доминирующие методологии в подходе cultural studies: структурализм и культурализм. Искусство уже не единственная форма культуры, а не более чем одна из возможных социальных практик. Культура понимается не как деятельность, а как способ жизни, более того, это не сам способ жизни, но то, что его пропитывает как коммуникативное ядро всей социальной практики, когда нет различия между высокой и низкой, духовной и материальной, абсолютно вся человеческая практика становится культурой.

Теория культуры изучает взаимоотношения между элементами образа жизни в целом. «Культура не есть практика или простое дескриптивное суммирование морали и народных нравов общества, как это представляется некоторым антропологам. Она прочитывается во всех социальных практиках и есть сумма отношений между ними»⁴². Общее между структурализмом и культурализмом – культура понимается как означающая практика, лишенная жесткого детерминизма.

При этом cultural studies понимаются как «дискурсивная формация»⁴³, лишенная раз и навсегда определенного объекта и субъекта исследования. Занявшись изучением того, что на протяжении последних трехсот лет не считалось культурой, а понималось как не-культура, cultural studies изменили и представление об объекте и методологии исследования современ-

³⁶ Slavoj Žižek, «Cultural Studies versus the „Third Culture“», The South Atlantic Quarterly 101, вып. 1 Winter (2002 г.): 31.

³⁷ Althusser L. Ideology and ideological state apparatuses // Mapping ideology (Verso, 2012), 123.

³⁸ Althusser L. Ideology and ideological state apparatuses // там же, 125.

³⁹ Hoggart R. The Future of Broadcasting // Richard Hoggart, An English temper: essays on education, culture, and communications (London: Chatto & Windus, 1982), 161—73.

⁴⁰ Means of Communication as means of production // Raymond Williams, Problems in materialism and culture: selected essays (London: Verso, 1980), 50—53.

⁴¹ Raymond Williams, Communications, 3rd ed, Pelican books (Harmondsworth; New York: Penguin, 1976).

⁴² Hall S. Cultural studies: Two Paradigms What is cultural studies?: a reader (London; New York: New York, NY: Arnold; Distributed exclusively in the USA by St. Martin's Press, 1996), 34.

⁴³ Hall S. Cultural Studies and its Theoretical Legacies // Stuart Hall: critical dialogues in cultural studies, Comedia (London; New York: Routledge, 1996), 262.

ного состояния культуры. Продукция и содержание массовой культуры, массмедиа, культуры меньшинств и маргинальных групп – изучение и понимание организации и функционирования этих элементов дополняют и изменяют академический дискурс.

В результате возник связный дискурс о массмедиа и доминирующей идеологии, но при этом полностью лишенный левой идеи и критического потенциала по отношению к власти. Вопрос власти игнорируется исследователями, что приводит к появлению своего рода «теоретического бриколажа»⁴⁴. Это направление поддерживается исследователями, которые «редко как-либо связаны с существующими политическими и культурными движениями и которые удивляются тому, что это возможно»⁴⁵. Увлечение изучением конструирования репрезентации приводит к полному игнорированию реального источника репрезентации, подрывая основополагающий принцип исследований репрезентаций, утрачивается возможность прорыва к реальности.

Потенциал cultural studies, состоящий в том, что «исследования культуры в академической среде – единственная сила, которая обладает потенциалом вносить в нее изменения»⁴⁶, полностью нейтрализуется посредством институционализации в академической среде. Четкое местоположение cultural studies в гуманитарном дискурсе объясняется весьма просто, ведь «если cultural studies не является учением, то для него и нет места в академической сфере»⁴⁷, хотя при этом признается дискурсивный характер cultural studies. При этом cultural studies настроены неизбежно критически по отношению к политике дисциплинарного знания, что указывает на невозможность «институционализации в пределах традиционных академических дисциплин»⁴⁸.

С некоторыми оговорками можно утверждать, что cultural studies и media studies сыграли важную роль в формировании открытой исследовательской парадигмы internet studies.

Первоначально изучение интернета базировалось на понимании технических и технологических особенностей коммуникации. Собственно, еще до появления наиболее популярного протокола коммуникации www – world wide web, который теперь и ассоциируется с интернетом вообще, имели место попытки изучения особенностей взаимодействия и организации человеческой деятельности. Это привело к появлению такого направления в науках о коммуникации, как СМС – Computer Mediated Communication. О появлении СМС можно говорить «после изобретения первого компьютера после Второй мировой войны, или, по крайней мере более уверенно, после того, как в 60-ые годы XX века были разработаны прототипы современной электронной почты»⁴⁹. СМС можно определить как «процесс человеческой коммуникации, опосредованный компьютерами»⁵⁰, «посредством которого люди создают, обмениваются и воспринимают информацию с помощью сетевых систем телекоммуникаций (или не подключенных к сетям компьютеров), которые облегчают кодирование, передачу и декодирование сообщений. Исследование СМС рассматривает этот процесс с точки зрения различных междисциплинарных перспектив, концентрируя внимание на некоторых комбинациях таких факторов, как: люди, технологии, процессы и эффекты»⁵¹.

⁴⁴ O'Connor A. The Problem of American cultural studies // What is cultural studies?, 189.

⁴⁵ O'Connor A. The Problem of American cultural studies //там же, 190.

⁴⁶ Pfister J. The Americanization of Cultural Studies //там же, 296.

⁴⁷ N. Denzin, «From American Sociology to Cultural Studies», European Journal of Cultural Studies 2, вып. 1 (1999 г.): 131.

⁴⁸ Nelson C. Always already cultural studies: academic conferences and a manifesto // What is cultural studies?, 283.

⁴⁹ Crispin Thurlow, Computer mediated communication: social interaction and the Internet (Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2004), 14.

⁵⁰ John December, «Notes on Defining of Computer-Mediated Communication», Computer-Mediated Communication Magazine 4, вып. 1 (1997 г.), <http://www.december.com/cmc/mag/1997/jan/december.html>.

⁵¹ John December, «What Is Computer-Mediated Communication», 2000 г., <http://www.december.com/john/study/cmc/what.html>.

С развитием технологических возможностей росло и число сервисов, которые были доступны для использования. При этом появились статистические (количественные) данные относительно активности пользователей. Когда число пользователей оказалось сопоставимым с аудиторией различных традиционных медиа, то наступило и качественное изменение в изучении интернета. Начались эксперименты, которые продолжают до сих пор и касаются возможности использования методов культурной антропологии, этнографии, социологии в киберпространстве.

Отдельно следует отметить исследовательские проекты, фокусирующие свое внимание на изучении культурных особенностей освоения современных телекоммуникационных технологий и формирования своего собственного культурного киберпространства. Эволюция развития интернет-технологий, в том числе и формирования понятия о web 2.0, приводит к тому, что и традиционные представления о культурных, политических, социальных явлениях также приобретают приставку web 2.0. Она отсылает к идее, что «распределенная сеть из создателей и участников, большинство из которых любители, используя самые простые инструменты для производства информации, может создать информационный продукт, который будет превосходить результат работы профессиональных, авторитетных источников»⁵². Ключевое слово «может».

Возрастающее влияние интернета на фоне падающего влияния традиционных медиа (прессы, радио и телевидения) усиливают интерес не только к изучению интернета как новой технологии коммуникации, но в том числе и к изучению интернета как киберпространства, в котором разворачивается социальное⁵³ и где выстраиваются новые политические отношения⁵⁴.

Здесь уместно упомянуть о концепции непреодолимого «цифрового разрыва» или «цифрового неравенства» (digital divide), которое имеет место быть не только в случае рассмотрения доступности современных телекоммуникационных технологий в странах, перед которыми борьба с голодом и нищетой стоит на первом месте. Ведь цифровой разрыв есть и в Европе. Как своего рода новая форма прочтения культурного разделения Европы на Восточную и Западную, в связи с тем, что «цель обеспечения всеобщего доступа к компьютерам и подключения к Интернету до сих пор не достигнута»⁵⁵. И тут можно говорить о еще одном изобретении Восточной Европы⁵⁶, подобно Ларри Вульф, но уже в цифровом измерении. Впрочем, эта социальная проблема, связанная с использованием интернета, анализируется ван Дейком по четырем критериям: мотивация, физический доступ, цифровые навыки и использование⁵⁷. Собственно, идеи относительно нового социального устройства ван Дейк подробно излагает в книге «Сетевое общество»⁵⁸. Проблема, на которой мы еще остановимся более подробно, заключается в том, как мы рассматриваем интернет: как принципиально новую технологию или как новые социальные формы коммуникации, которые обусловлены появлением и распространением интернета. «Концепция сетевого общества не является синонимом для понятия информационного общества – это дополнение к нему. Мое убеждение состоит в том, что оба понятия неразрывно связаны между собой. В концепции информационного общества подчеркиваются

⁵² Chadwick A., Howard Ph. Introduction //Routledge handbook of Internet politics, Routledge international handbooks (London; New York: Routledge, 2009), 5.

⁵³ Brian McNair The internet and the changing global media environment // Routledge handbook of Internet politics //там же, 217—29.

⁵⁴ Bennett L., Toft A. Identity, technology, and narratives transnational activism and social networks //там же, 246—60.

⁵⁵ van Dijk J. One Europe, digitally divided // там же, 288.

⁵⁶ Ларри Вульф, Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения (Москва: Новое литературное обозрение, 2003).

⁵⁷ van Dijk J. One Europe, digitally divided //Routledge handbook of Internet politics, 288.

⁵⁸ Jan van Dijk, The network society: social aspects of new media, 2nd ed (Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2006).

изменения содержания деятельности и процессов в современных развитых обществах. В концепции сетевого общества внимание переключается на изменяющиеся формы организации (инфра) структур этих обществ»⁵⁹.

Но все это шире, чем инфраструктура для доступа в интернет – это о неравенстве в доступе к знанию. «Цифровое неравенство – это новый термин для старого концепта [...], означающий неравный доступ к знаниям в информационном обществе. Это определение, следовательно, базируется не на технологии, а скорее на смысле нашего отношения к технологии»⁶⁰.

До тех пор, пока интернет не был частью социальной жизни и повседневной практикой миллионов, изучение интернета основывалось на понимании технической природы, на понимании того, каким образом возможна та или иная технология коммуникации? Какой протокол связи наиболее предпочтителен? Но по мере распространения интернета и снижения входного ценза для пользователей (сегодня количество пользователей персональных компьютеров практически равно или может быть равно количеству интернет-пользователей, т. к. на сегодняшний день компьютер без возможности подключения к интернету не рассматривается как полноценное рабочее место).

⁵⁹ Jan van Dijk, *The deepening divide: inequality in the information society* (Thousand Oaks, Calif: Sage Pub, 2005), 146, http://www.utwente.nl/gw/vandijk/research/digital_divide/.

⁶⁰ Jeremy W. Crampton, *The political mapping of cyberspace* (Chicago: University of Chicago Press, 2003), 142.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.